

Общественно-политические взгляды первых женщин-историков Российской империи

О. И. Секенова, Н. Л. Пушкарева

Для цитирования: Секенова О. И., Пушкарева Н. Л. Общественно-политические взгляды первых женщин-историков Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 44–59. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.103>

В статье анализируются общественно-политические взгляды первых женщин-историков Российской империи, интегрировавшихся в прежде полностью мужскую академическую корпорацию второй половины XIX — начала XX в. В фокусе внимания авторов общественно-политические воззрения женщин-историков первых поколений, получивших образование и начавших активно работать до 1917 г. На базе документов женских либеральных организаций и автодокументальных источников, принадлежащих женщинам-ученым, реконструируется обобщенный социальный портрет первых женщин-историков Российской империи с точки зрения их общественно-политических предпочтений, доступных им форм политического участия, мнений об анализируемых исторических событиях и современных им политических процессах. В статье продемонстрированы разнообразие и изменчивость идейных воззрений представительниц интеллигенции, сформированных под влиянием семьи, наставников и коллег. Палитра выявленных политических убеждений разнообразна: женщины-историки второй половины XIX — начала XX в. склонялись к разным взглядам — от консервативно-монархических до либеральных и даже социально-революционных. Авторы приходят к выводу, что большинство женщин-историков, публично декларировавших свои политические предпочтения, старались, как правило, избегать личного и явного участия в политических событиях, но при этом были связаны с современными им партиями, группами или иными политическими организациями. Политическое самоопределение женщин-ученых часто оказывалось сопряжено с их вовлеченностью в женское дви-

Ольга Игоревна Секенова — канд. ист. наук, науч. сотр., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32а; <https://orcid.org/0000-0001-9246-2728>, jzkzkray@mail.ru

Olga I. Skenova — PhD (History), Researcher, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-9246-2728>, jzkzkray@mail.ru

Наталья Львовна Пушкарева — д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32а; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>, pushkarev@mail.ru

Natalia L. Pushkareva — Dr. Sci. (History), Professor, Chief Researcher, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>, pushkarev@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.» (№ 24-78-10005).

The research was supported by the Russian Science Foundation within the framework of the project “The female voice of Russian science in the 1800s — 1980s” (no. 24-78-10005).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

жение, а занятия наукой подразумевали стремление поднять свой образовательный уровень и расширить профессиональные права. Специфический образ, конструируемый женщинами, вошедшими в мужскую академическую корпорацию историков, подразумевал заинтересованность, готовность и порой даже склонность комментировать политические события, при этом по возможности избегая публичных заявлений о личной причастности или непричастности к происходящим социальным процессам. Анализируя прошлое, выбирая в нем острые социальные проблемы, российские женщины-историки откликались на бурные события настоящего, выступали за расширение возможностей высшего образования и профессиональной самореализации женщин в науке.

Ключевые слова: женщины-историки, политика, социальная история науки, политические партии, Российская империя.

Social and Political Views of the First Female Historians of the Russian Empire

O. I. Skenova, N. L. Pushkareva

For citation: Skenova O. I., Pushkareva N. L. Social and Political Views of the First Female Historians of the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 44–59. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.103> (In Russian)

The article analyzes the social and political views of the first female historians of the Russian Empire, who integrated into the previously all-male academic corporation in the second half of the 19th — early 20th centuries. The authors focus on the socio-political views of women historians of the first generations who received education and began to actively work before 1917. Based on documents from women's liberal organizations and auto-documentary sources belonging to women scientists, the authors reconstruct a generalized social portrait of the first women historians of the Russian Empire from the point of view of their political preferences, forms of political participation available to them, opinions about the historical events and contemporary political processes being analyzed. The article demonstrates the diversity and variability of the political views of representatives of the intelligentsia, formed under the influence of family, mentors and colleagues. The palette of identified political beliefs is diverse: women historians of the second half of the 19th — early 20th centuries. tended to different views — from conservative-monarchist to liberal and even social-revolutionary. The authors come to the conclusion that the majority of women historians who openly declared their political views tried to avoid personal and obvious participation in political events, but at the same time were associated with contemporary parties, groups or other political organizations. The political self-determination of women scientists was often associated with involvement in the women's movement; doing science implied a desire to raise their educational level and expand professional rights.

Keywords: women historians, politics, social history of science, political parties, Russian Empire.

Российское историописание в XIX в. — сложный этап рождения и развития десятка направлений в исследованиях отечественного прошлого. Представители многих из них не были рядовыми наблюдателями: статус историка в тогдашней Российской империи подразумевал если не прямое участие в политических процессах, то, по крайней мере, живое обсуждение их и наличие устойчивых представлений о взаимодействии власти и общества, равно как и о наилучшем государственном устройстве.

Столь тесная связь истории и политики вовлекала многих ярких российских ученых в важнейшие государственные процессы (в первой половине XIX в. в законодательстве отметился Н. М. Карамзин, а во второй — К. Д. Кавелин, в партийном строительстве после буржуазных реформ были заняты П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер). Именно XIX столетие превратило историков в значимых акторов общественно-политического участия, готовых обсуждать идеалы, принципы, доктрины, а подчас мифы и символические акты общественных движений, равно как политические и культурные проекты общественного порядка. В российской историографии не раз появлялись статьи и монографические исследования, характеризовавшие, например, формы политического участия, типичные для мужчин-историков¹, или политические взгляды отдельных ученых (после профессиональной самореализации как исследователей прошлого некоторые из них уходили на государственную службу, увлекались деятельностью в партийном строительстве)².

Но до последнего времени речь практически всегда шла именно о мужчинах-исследователях, поскольку формализованные типы власти в обществе — это типы власти мужской, а описания того, как власть получают, удерживают, как ее осуществляют во благо или на вред обществу и как с нею расстаются, тоже, как правило, касались именно мужчин. Женщины же (по крайней мере, в отечественной истории) долгие века и десятилетия могли принимать участие в политической жизни лишь опосредованно, главным образом влияя на кого-то, находясь рядом с вершителями судеб. Никаких «своеручных записок» — рекомендаций, как попасть на политический Олимп, они не оставили. Между тем первые исследовательницы-историки, о которых в российской историографии тоже вспомнили лишь недавно³, и которые вошли в прежде полностью мужскую академическую корпорацию во второй половине XIX — начале XX в., невольно или вполне осознанно выражали свое отношение не только к прошлому, но к современным им событиям. Можно ли составить такого рода обобщенный социальный портрет первых женщин-историков с точки зрения их политических предпочтений или же они все настолько немногочисленны и настолько разные, что такие генерализации неуместны? Что может дать современному аналитику знание о политических предпочтениях узкого слоя городских интеллектуалок, изучавших страницы российского прошлого? Да и достаточно ли эмпирического материала для научных построений такого рода?

Наша рабочая гипотеза состоит в предположении, что первые российские женщины-историки не отличались социальным эскапизмом, а, напротив, решались живо реагировать на то, что происходило рядом с ними, не переходя, впрочем, к радикальным мерам. Мы полагаем, что эвристически полезно проверить, насколько

¹ Павловская С. В. Общество и власть в оценках отечественных историков конца XIX — начала XX вв // Иннов: электронный научный журнал. 2015. № 3 (24). URL: <http://www.innov.ru/science/economy/obshchestvoivlastvotsenkakhote/> (дата обращения: 09.11.2023).

² Митяева О. И. Исторические и политические взгляды П. Н. Милюкова // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 2. С. 80–88; Цепилова В. И. А. А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2005. № 34. С. 108–114.; Китаев В. А. В. О. Ключевский и Россия 1860-х гг.: к характеристике общественно-политических взглядов историка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 17–26.

³ Пушкарева Н. Л. Женщины-историки в России 1800–1917 // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 228–246.

наши предшественницы использовали возможность, говоря о прошедшем, характеризовать настоящее, то есть выяснить, насколько они пользовались эзоповым языком, чтобы высказать идейные пристрастия в собственных трудах, ведь они так или иначе высказывали свои идеи в дневниках и письмах. Как формировались общественно-политические предпочтения исследовательниц прошлого, что влияло на них? Означала ли для них борьба за эмансипацию обязательное стремление к получению не только образовательных и профессиональных, но и политических прав, которых все женщины России были тогда лишены? Мы полагаем, что постановка всех этих вопросов может быть признана весьма актуальной, став выявлением форм неявной общественной активности в контексте запретов участия явного и заявленного публично.

Возможность перепроверить предварительные умозаключения дают автодокументальные тексты, принадлежащие женщинам-историкам. Все они никогда не публиковались, отложившись в личных архивных фондах — документохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Однако именно они позволяют охарактеризовать взгляды исследовательниц прошлого на власть и общество в России и оценить, как их политические предпочтения влияли на их же профессиональную самореализацию.

Специфика участия женщин в российской дореволюционной общественно-политической жизни не раз привлекала внимание ученых. Имеется даже историографический обзор по этой теме⁴. Уже известно: типичная политическая активистка рубежа XIX и XX вв.⁵ — это образованная, нередко литературно одаренная, горожанка атеистических взглядов⁶. В подобный обобщенный образ, похоже, легко вписывается любая из тех немногочисленных исследовательниц прошлого, чьи труды до сих пор малоизвестны, но сохраняют свое значение по сей день.

Общественные воззрения и политические настроения, типичные для первых российских женщин-историков

В фокусе нашего внимания — общественно-политические воззрения женщин-историков первых поколений, получивших образование и начавших активно работать до 1917 г. Их не более пяти-шести десятков⁷, среди которых более или менее внятно о своих политических пристрастиях высказалось не более 10–15 исследовательниц⁸. Не удивительно, что первая известная отечественной науке женщина-

⁴ Долматова А. В. Роль женщины в общественно-политическом движении в начале XX в.: к историографии вопроса // Вестник ВятГУ. 2011. № 1-1. С. 52–59.

⁵ Пушкарёва И. М., Пушкарёва Н. Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (советская и постсоветская историография) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 15–34.

⁶ Пушкарёва Н. Л., Пушкарёва И. М. Частное и общественное в повседневной жизни российских столичных горожанок начала XX в.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: в 3 т. Т. 2. СПб., 2018. С. 244–249.

⁷ Пушкарёва Н. Л. «Наука для всех одна»? Первые женщины-историки в России (1810–1910-е гг.) // Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе. Будапешт, 2012. С. 173–185.

⁸ Секенова О. И. Стратегии самореализации российских и советских женщин-историков второй половины XIX — первой половины XX в.: динамика перемен, преодоление гендерных асимметрий: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. С. 19–24.

историк — А. О. Ишимова (1805–1881), создательница «Истории России в рассказах для детей» (ее работы особо хвалил А. С. Пушкин⁹, а В. Г. Белинский назвал «важным приобретением для русской литературы»¹⁰), была убежденной монархисткой. Ишимова, дворянка, дочь надворного советника, прославившаяся как автор первого учебника по истории для детей, лично знакомая с членами царской семьи и получавшая аудиенции у императора, в своем дневнике искренне переживала за здоровье его самого и его семьи¹¹. Под стать ишимовским взглядам — идейные убеждения П. С. Уваровой (урожденно княжны Щербатовой) (1840–1924) — историка материальной культуры, организатора десятка археологических конгрессов и в то же время придворной статс-дамы. Выйдя замуж за А. С. Уварова — сына С. С. Уварова (автора теории официальной народности), она целиком была погружена в дела научно-организационные, но успевала писать исторические сочинения, будучи последовательной сторонницей монархических взглядов. Дворянка, представительница высшего света, фрейлина, княгиня Е. Г. Волконская (1838–1897), хотя и была известна как первая в России женщина-автор богословских трактатов (вызвавших большой резонанс в рядах историков церкви)¹², в своих политических симпатиях была убежденной монархисткой, исследовательницей истории рода Волконских на службе Российскому государству¹³.

Но, похоже, не эти женщины определили основной тренд в XIX столетии, а тем более позже. Приход женщин в российскую науку начался не ранее середины XIX в.: обретя возможность получить не только домашнее образование, женщины оказались частью поколения интеллигенции, выступившего на авансцену общественной и литературной жизни Российской империи в годы подготовки и проведения Великих реформ 1860-х гг.

Весьма показательны для палитры идейных убеждений первых женщин-историков судьба и взгляды Е. О. Лихачевой (1836–1904) — активной участницы общественного движения 1860–1870-х гг., супруги прогрессивного юриста, потомственного дворянина В. И. Лихачева. Известная переводчица и публицистка пореформенного времени, Е. О. Лихачева интересовалась историей массовых социальных движений — писала о религиозной реформации в Европе, но более известна (а среди «историков-женщин» именно прославилась) своими трудами по истории европейского женского движения. Много путешествуя, владея европейскими языками и работая военным корреспондентом в годы Балканского кризиса 1875–1878 гг., она собрала ценный материал о современном ей экономическом и социальном положении женщин за пределами России. Либеральные взгляды Е. О. Лихачевой были отлично известны современникам. О ней упоминал М. Е. Салтыков-Щедрин¹⁴, ее

⁹ Пушкин А. С. Переписка с А. О. Ишимовой // Переписка А. С. Пушкина: 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 507–508.

¹⁰ Белинский В. Г. История России в рассказах для детей. Сочинение Александры Ишимовой // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 474.

¹¹ Ишимова А. О. Записная книжка (1872–1874) // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее РО ИРЛ (Пушкинский Дом) РАН). Ф. Р-III. Оп. 2. Д. 493. Л. 22.

¹² Волконская Елизавета Григорьевна // Католическая энциклопедия: в 5 т. Т. 1. М., 2002. Ст. 1068–1069.

¹³ Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 18, кн. 2. М., 1976. С. 343–344.

едко характеризовал как «нечто засушенное в либерализме» Ф. М. Достоевский¹⁵. Однозначно о ее взглядах высказался и Н. А. Некрасов, желая ей, часто уезжавшей «в страну равноправную, где живут без чиновной амбиции и почти без надзора полиции», встретить там «подругу по сердцу»¹⁶.

Косвенные свидетельства эмансипированности автора огромного труда «Материалы по истории женского образования в России»¹⁷ можно найти в критических заметках А. И. Гончарова. Он в качестве покладистого и либерального цензора выступал в защиту Е. О. Лихачевой и А. И. Сувориной, чьи переводы иностранных научно-популярных книг, по мнению других государственных деятелей, «убивали в детях религиозное чувство»¹⁸. Собственно, к увлечению историей Елена Осиповна пришла как раз благодаря своей общественно-политической деятельности и в предисловии к своему труду, составленному на основе многочисленных источников, в качестве рабочей гипотезы выдвигала тезис о том, что представители российской науки «в отношении женского образования, среднего и высшего, стояли впереди всех европейских государств»¹⁹. Идеи, которые Е. О. Лихачева декларировала в своих работах и которые воплощала на практике, вполне соответствовали классической русской либеральной традиции «шестидесятников»²⁰.

Собирая по крупицам данные о младших современниках Е. О. Лихачевой, стоит принять во внимание, что их признания в отношении общественно-политических пристрастий, сделанные позже, на излете жизни, могли быть существенно скорректированы. Политическое самоопределение во второй половине XIX — начале XX в. (нашедшее отражение в письмах) и взгляды женщин-историков во второй половине их жизни (которые отобразились в мемуарах, автобиографиях) могли сильно разниться, а в понятия, кажущиеся устойчивыми, вкладываться весьма расширительное содержание. Пример тому — термин *народницы*, употребленный в отношении женщин, занимающихся исследованием истории, О. А. Добиаш-Рожественской (1874–1939) — первой российской медиевисткой, выдающимся палеографом, ставшей при советской власти первым среди женщин членом-корреспондентом АН СССР по гуманитарным наукам. Учившаяся в 1890-х гг. на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге, свидетельница студенческих волнений конца 1890-х гг., О. А. Добиаш-Рожественская писала много лет спустя в тексте «За 20 лет» — заготовке к выступлению о женщинах в российской исторической науке, активно публиковавшихся в конце XIX в., как о народницах. Между тем упомянутая ею этнограф А. Я. Ефименко (1848–1918), внесшая существенный вклад в изучение русской и украинской культуры и ставшая первой в России женщиной-почетным доктором (*honoris causa*) русской истории, народницей вовсе не была, а была малороссийской националисткой, женой политического ссыльного, осужденного

¹⁵ Достоевский Ф. М. Письмо А. Г. Достоевской 30.07/11.08.1876 // Федор Михайлович Достоевский. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/perepiska-dostoevskij-dostoevskaya/dostoevskij-dostoevskoj-30-iyulya-1876.htm> (дата обращения: 30.11.2023).

¹⁶ Некрасов Н. А. Е. О. Лихачевой (Уезжая в страну равноправную...) // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Т. 3. Л., 1982. С. 123.

¹⁷ Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1899.

¹⁸ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 10. СПб., 2013. С. 249.

¹⁹ Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России. С. III.

²⁰ Китаев В. А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. С. 248–250.

за антиправительственные взгляды²¹ (подобных же взглядов придерживалась и ее старшая современница, историк и этнограф, нигилистка, активная участница киевских «громад» П. Я. Литвинова (Бартош) (1833–1904))²². Еще менее применимо наименование *народница* к Е. Н. Щепкиной (1854–1938) — выдающейся «равноправке», активной участнице либерального женского движения, близкой к кадетам²³. Ее «народничество» может быть отнесено разве что к тому, что в 1890-х гг. она преподавала историю рабочим Императорского Русского технического общества.

Вряд ли Е. Н. Щепкину можно назвать сторонницей идеологической доктрины национальной модели некапиталистической эволюции и тем более участницей революционного террора, но в те годы наименование *народница* могло быть применено и ко вполне законопослушным девушкам, имевших опыт преподавания людям труда. Примем во внимание и время подготовки О. А. Добиаш-Рожественской своего выступления: советская историческая наука 1920-х еще вписывала народничество в канон истории революционной борьбы, пытаясь модернизировать его наследие и представить народников предшественниками большевизма²⁴, так что О. А. Добиаш-Рожественская явно воспринимала своих современниц, занимавшихся историей, в русле тогдашнего понимания. В начале 1930-х отношение к участникам народнических групп и их «хождениям в народ» поменялось, и народническое прошлое активистов стало замалчиваться²⁵. Трудность в оценке взглядов О. А. Добиаш-Рожественской возникает и в случае, если исследователь осознает свойство мыслящих людей менять свои взгляды, нюансировать их со временем. Не потому ли вышеназванная «равноправка» Е. Н. Щепкина, рассуждая о своем волонтерстве в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., будто б незначай, иронически проговорила о панславистских взглядах юности. «Волновалась и я, националистка в душе, горячо стоявшая за права всех народностей на свободу и самостоятельность, что не мешало мне разделять мечты чиновников о присоединении Константинополя к России, тогда я его еще не видала и не понимала, что России нечего делать с этим огромным слишком дорогим для меня музеем древностей»²⁶. В начале 1930-х, когда она написала этот текст, отношение к славянскому национализму уже было весьма неоднозначным, так что в своих воспоминаниях Екатерина Николаевна явно посмеивалась над «славянофильско-народническими суждениями»²⁷ некоторых преподавателей Высших женских курсов.

В своих воспоминаниях будущая деятельница кадетской партии признавалась, что в 1880-х гг. «пути Народной воли» казались ей прежде всего «целесообразными для женской пропаганды»²⁸, она признавала эффективность обращения к низшим

²¹ Добиаш-Рожественская О. А. За 20 лет // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 254. Д. 236. Л. 3.

²² Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168–199.

²³ Ruthchild R. G. Shchepkina E. N. // Biographical Dictionary of Women's Movements and Feminisms in Central, Eastern, and South Eastern Europe. New York, 2005. P. 507–510.

²⁴ Шемякина О. В. Историография народнического движения глазами его участников // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2017. № 1 (22). С. 132.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ Щепкина Е. Н. Санитарный поезд в турецкую войну // Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 2. Д. 11. Л. 1 (об.).

²⁷ Щепкина Е. Н. Петербургские курсы и заграница // Там же. Д. 1. Л. 7 об.

²⁸ Щепкина Е. Н. Бестужевские курсы // Там же. Оп. 1. Д. 131. Л. 6.

слоям горожанок. Не без обиды Е. Н. Щепкина написала о том, что уже тогда не нашла понимания и, став по приглашению К. Н. Бестужева-Рюмина преподавательницей на Высших женских курсах, оказалась вдруг причисленной к «ретроградкам». Она с горечью писала: «Курсистки стоворились не приглашать меня на вечера в честь выпусков в наказание за мое ретроградство»²⁹. Щепкина оказалась причисленной к «ретроградкам», потому что ее необоснованно подозревали в антипатии к студенческому движению и принадлежности к консервативной части преподавателей, тем более что сам К. Н. Бестужев-Рюмин разделял взгляды поздних славянофилов.

Н. К. Крупская, работавшая вместе с Е. Н. Щепкиной в вечерне-воскресной Смоленской школе для рабочих в 1890-х гг., возмущалась тем, что та «была либералка до мозга костей»³⁰. Это справедливо: в «Российской Лиге равноправия женщин» на протяжении 10 лет с 1907 г. эта ученая возглавляла комиссию по пропаганде. Был ли подобный политический портрет типичен для женщины-историка? В судьбе Е. Н. Щепкиной заметны изменчивость политических предпочтений и неоднозначность ее идеологической принадлежности, что порождало идейные разногласия с коллегами и учениками. Бывшая саратовская учительница имела общественные амбиции, постепенно выстраивая свою политическую карьеру (в 1917 г. она была в числе 10 кандидатов от Всероссийской лиги равноправия женщин, рекомендованных к работе в Учредительном собрании)³¹ и никогда не абстрагировалась от процессов, происходивших в обществе.

Е. Н. Щепкина (которую весьма сложно назвать *народницей*) как раз открыто и четко формулировала свои политические взгляды и приверженность идее равноправия женщин, как его понимали сторонники либеральной ветви этого общественного движения. Даже после событий 1917 г. она продолжала работать как историк женщин, подготовила очерки истории женского движения в годы Французской революции (с критическим предисловием А. М. Коллонтай)³², до конца жизни продолжала писать историю «Российской лиги равноправия женщин».

Автодокументальные тексты Е. Н. Щепкиной, как это было типично для мыслящей, активной части российского общества на рубеже XIX и XX вв., включили в себя декларацию если не политических предпочтений, то довольно ясных общественных перспектив. В то время даже собственный политический абсентеизм принято было демонстрировать и объяснять. В известной степени это было вызвано готовностью следовать выработанной традиции российской мемуарной литературы второй половины XIX столетия, в которой общественно-политическая позиция была значима для фиксации индивидуальной гражданской идентичности. Преодолевавшие множество препятствий, чтобы самореализоваться в науке, образованные россиянки могли ассоциироваться в обществе с радикальными политическими течениями, но в начале XX в. среди известных имен исследовательниц истории членов РСДРП или радикально-анархических организаций все же не было. Хотя большинство женщин-историков сочувствовало либеральному женскому движе-

²⁹ Щепкина Е. Н. Петербургские курсы и заграница // Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 63.

³⁰ Крупская Н. К. Пять лет работы в вечерних Смоленских классах // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 11 т. Т. 1. М., 1957. С. 45.

³¹ Ruthchild R. G. Shchepkina E. N. P. 507–510.

³² Щепкина Е. Н. Женское движение в годы Французской революции. Пг., 1921.

нию, лишь некоторые были вовлечены в него, публично или в научных работах выступая за необходимость расширения образовательных и профессиональных прав женщин, столь необходимых для реализации в профессии. Среди женщин-историков, вступивших на путь активной пропаганды идей женского равноправия в образовании, — автор прекрасного монографического очерка по истории женского движения в Европе и Америке, многих книг о женщинах, оставивших свой след в мировой истории, З.С. Иванова (1865–1913), публиковавшаяся в женской прессе под псевдонимом Н. Мирович³³, а также уже упоминавшиеся Е. О. Лихачева и Е. Н. Щепкина.

Очевидно, что консервативные политические взгляды противоречили идее женской профессиональной самореализации в науке, однако и убежденные монархистки (П. С. Уварова, Е. Г. Волконская) также добивались профессиональных успехов в занятиях историей, хотя и использовали иные социальные лифты, чем условные «либералки». Палитра политических предпочтений женщин-историков была, думается, несколько менее разнообразна, чем у их коллег мужского пола. Причем условное деление на «левых и правых курсисток»³⁴ происходило очень рано, в период научного становления, то есть уже на Высших женских курсах, через которые прошла немалая часть будущих исследовательниц. Слушательницы курсов, едва начав посещать лекции, были впечатлены талантливыми преподавателями и яркими личностями, что, безусловно, оказывало большое влияние на политическое самоопределение курсисток.

Однако случались и парадоксальные ситуации: ученицы могли не повторять подходов своих учителей и при этом развивать их общественно-политические взгляды. Пример тому — автор замечательных исследований по экономической истории И. И. Игнатович (1879–1967), выбравшая себе в юности в научные руководители историка В. И. Семевского³⁵ — приверженца либерально-народнического направления. Сама же она стала активной деятельницей партии социалистов-революционеров. Научные работы И. И. Игнатович отражали и продолжали ее общественно-политические воззрения, она читала лекции о социально-политическом движении в России XVIII–XIX вв., вела семинар по истории крестьянских волнений XIX столетия в Петербургском/Ленинградском университете.

Менее благополучно сложилась жизнь другой сторонницы и активистки эсеровской партии — историка и этнографа Н. В. Брюлловой-Шаскольской (1886–1937)³⁶. После революции ей — активистке партии, получившей известность как ведущего специалиста по национальному вопросу, — были уготованы ограничения, а в конечном счете арест и расстрел по делу «Народнического центра», к которому она никакого отношения не имела ни в юности, ни позже.

³³ *Мирович Н.:* 1) Женское движение в Европе и Америке (Третий Конгресс «Международного союза избирательных прав в Копенгагене»). М., 1907; 2) Шарлотта Корде. Биографический очерк. М., 1906; 3) Победа женского движения в Финляндии. М., 1907.

³⁴ *Щепкина Е. Н.* Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 5.

³⁵ *Таврилов С. В.* Научное наследие В. И. Семевского в советской историографии // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 111.

³⁶ *Семенова-Флор (Шаскольская) В. Э.* Родители моей мамы — социалисты-революционеры Н. В. Брюллова-Шаскольская и П. Б. Шаскольский // Судьбы демократического социализма в России. М., 2014. С. 309.

После законодательного провозглашения политических прав и свобод в октябре 1905 г. деятельность, направленная на изменение или сохранение существующих политических отношений, стала понемногу превращаться в России в сравнительно безопасную и все более привычную для женщин общественную работу. Не удивительно, что некоторые молодые исследовательницы оказывались вовлеченными в партийное строительство (часто это происходило под влиянием мужей или братьев). Известно о тесных связях с партией кадетов многих представителей научной интеллигенции³⁷, в частности медиевисток, специалистов по истории Западной Европы О. А. Добиаш-Рожественской и А. М. Петрункевич (1873–1965)³⁸.

Среди известных женщин-ученых дореволюционной России членов РСДРП не было. Этот досадный для советских историографов факт О. А. Добиаш-Рожественская (с 1929 г. член-корреспондент АН СССР) объясняла тем, что некоторые ее современницы, занимавшие высокие государственные посты в системе науки и образования в 1930-х гг., до революции были «не аналитиками истории, но ее творцами»³⁹, то есть прежде всего революционерками, и только во вторую очередь — исследовательницами.

В тот же дореволюционный период становится заметной тесная связь не только политического участия и женского активизма⁴⁰, но и предпочтений в выборе тем для научных исследований женщин-историков. Известные участницы российского либерального женского движения, уже упомянутые Е. О. Лихачева, Е. Н. Щепкина и З. С. Иванова-Мирович, прославили отечественную науку исследованиями истории женского образования, женского движения, женской биографики, женской истории в целом⁴¹. Чем левее были политические воззрения женщин-историков, тем чаще они писали уже не о женском движении и образовании, а брались за темы, связанные с историей крестьянства или социальной историей России⁴². Сами исследовательские темы и их интерпретация были их гражданским поступком в стране, где женщины были далеки от равных с мужчинами возможностей, ответом на социальный запрос. Прямое участие в политической жизни Российской империи было все же уделом единиц — тех, кто решался на переход от декларирования своего мнения по важным общественным вопросам, к поступкам и реальному активизму.

³⁷ Иванов А. Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 211.

³⁸ А. М. Петрункевич — племянница И. И. Петрункевича, основателя конституционно-демократической партии в России, исследовательница истории Великой Французской революции, впоследствии эмигрировавшая во Францию. См.: Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 228.

³⁹ Добиаш-Рожественская О. А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л. 3.

⁴⁰ Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.

⁴¹ Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России. Т. 1–4. СПб., 1890–1901; Щепкина Е. Женское движение в годы Французской революции; Щепкина Е. Из истории женской личности в России. СПб., 1914; Мирович Н. Два конгресса женской фронды: (из воспоминаний). М., 1901.

⁴² Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1902.

Формы политического участия женщин-историков на рубеже XIX и XX веков

Первое серьезное столкновение с острыми политическими проблемами, ставившими вопрос о готовности проявить общественную активность, ожидало девушек — будущих историков — уже на Высших женских курсах, которые с конца 1870-х гг. было разрешено открывать в университетских городах Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Казани, а в 1905 г. они появились в Омске⁴³. Бесконечные скандалы, связанные с прекращением приема в эти учебные заведения в связи с их политической неблагонадежностью, имели под собой серьезную почву: курсистки были регулярными участницами политических сходов, в их разношерстном составе попадались подлинные революционерки. «Многие из курсисток участвовали в подпольно-революционной работе, но старались не смешивать это с курсами, чтобы их не закрыли (что и случилось в 1899)»⁴⁴, «не знаю, были ли слушательницы замечены в движении, но у всех были знакомства в кружках пропагандистов»⁴⁵, — вспоминали девушки, получавшие образование на Высших женских курсах в Москве и Петербурге.

Даже не слишком интересовавшиеся политикой курсистки в ходе посещения лекций и семинаров, кулуарного общения с подругами получали практический опыт отстаивания своих интересов и борьбы за права. Выпускницы вспоминали, что от каждого курса избиралось по две-три депутатки, в чьи обязанности входили «хлопоты» об однокурсницах (помощь в тяжелой жизненной ситуации, сбор пожертвований), устройство комитетских вечеров, базаров, переговоры с профессорами об экзаменах и практических занятиях⁴⁶. Так еще в юности у будущих исследовательниц женской истории формировались представления о путях отстаивания своих прав. Посетительницы Высших женских курсов в обеих столицах постоянно ощущали себя «словно в кипящем котле»⁴⁷, многие еще в ходе учебы становились лекторами на курсах для рабочих, в воскресных школах, в клубах при заводах и фабриках, устраивали благотворительные мероприятия, организовывали «группы по сбору средств» и т. д.⁴⁸

Подобные общественные виды деятельности возникали по мере развития студенческого движения в России. Вторая половина 1890-х была отмечена массовым отказом радикально настроенного студенчества присягать Николаю II. Зимой 1899 г. состоялась первая в стране студенческая забастовка⁴⁹. Число проявлявших оппозиционные взгляды на Женских курсах выросло, а отношение к преподавателям определялось их принадлежностью к «левому» или «правому» лагерю. Однако именно среди будущих деятельниц науки девушек с радикальными взглядами было не много. Те, кто ощущал радость самореализации в научной работе, к любым про-

⁴³ Вадемекум по высшему женскому образованию / сост. Д. Марголин. Киев, 1915. С. 7.

⁴⁴ Рабинович А. Я. и др. Воспоминания о коллективных уроках общества воспитательниц и учительниц // Отдел рукописей Государственного исторического музея. Ф. 92. Оп. 1. Д. 95. Л. 20.

⁴⁵ Щепкина Е. Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 119 (об.).

⁴⁶ Щепкина Е. Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Л. 17.

⁴⁸ Рабинович А. Я. и др. Воспоминания о коллективных уроках общества воспитательниц и учительниц. Л. 20.

⁴⁹ Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России 1899–1907. М., 1971.

явлениям политической активности относился довольно скептически, считая свои профессиональные занятия более серьезными. И наоборот: отдававшие политической борьбе недооценивали или даже обесценивали готовность погружаться в архивную и исследовательскую работу. Вот почему Н. К. Крупская в своих воспоминаниях дала волю возмущению, характеризуя свою старшую (разница в возрасте — 15 лет) современницу Е. Н. Щепкину, которая «умела исторический материал преподносить в необыкновенно живой форме»⁵⁰, но направляла эти свои умения, с ее точки зрения, неправильно. В Смоленской школе для рабочих, писала Н. К. Крупская, она «забавлялась (выделено нами. — О. С., Н. П.) тем, что со взрослыми учениками, рабочими, пришедшими от станка, уделявшими при 12–13-часовом рабочем дне вечера для того, чтобы получить кое-какие крохи знаний, в течение целого ряда уроков занималась нумизматикой»⁵¹. Сама Н. К. Крупская, начавшая «в шесть лет ненавидеть фабрикантов»⁵², мечтала не о науке и не о нумизматических под-сказках в изучении прошлого, а том, чтобы «повести ... пропаганду марксизма»⁵³. Н. К. Крупская честно призналась в своих заметках, что, узнав о содержании уроков, проведенных старшей выпускницей курсов Е. Н. Щепкиной, она фактически отняла ее нагрузку в группе рабочих и взяла дело их просвещения в свои руки. Будущий организатор и главный идеолог советского воспитания была убеждена, что образование трудового народа должно служить революционным задачам, тогда как инициатор просвещения рабочих Императорского Русского технического общества Е. Н. Щепкина стремилась заинтересовать их историей как наукой, полагая их индивидуальное духовное развитие важнее включенности в революционную (по сути — антиправительственную) работу.

Убежденными противницами любых форм активной декларации политических предпочтений были исследовательницы, изучавшие далекие от их современности эпохи, — египтолог Н. Д. Флиттнер (1879–1957) и антиковед М. Е. Сергеенко (1891–1987). Н. Д. Флиттнер — в будущем одна из первых в России женщин-историков искусства, написавшая несколько монографий и отдавшая жизнь Государственному Эрмитажу, — искренне не могла понять, как можно перестать общаться с человеком, «даже если он стал черносотенцем»⁵⁴. Под статью ей была М. Е. Сергеенко. Она даже гордилась тем, что «в конъектурах (метод восстановления утерянных или испорченных в рукописях фрагментов. — О. С., Н. П.) к Эсхилу разбиралась лучше, чем в политике»⁵⁵. Уход в историю Древнего мира был для этих женщин-ученых формой эскапизма от бурных событий начала XX в. Н. Д. Флиттнер писала: «Коронация Николая II, страшная катастрофа на Ходынке промелькнули, как происшествие далекого, тридесятого царства, и заслонились более мелкими, но и более близкими нашему миру событиями», «забастовочное движение среди студенчества докатилось и до нас и плеснуло слабой волной в глухие стены

⁵⁰ Крупская Н. К. Обучение и воспитание в школе // Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 3. С. 112.

⁵¹ Там же.

⁵² Кунецкая Л. И., Маистакова К. А. Крупская. М., 1973. С. 12.

⁵³ Крупская Н. К. Пять лет работы в вечерних Смоленских классах // Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 45.

⁵⁴ Флиттнер Н. Д. Воспоминания // Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 140.

⁵⁵ Сергеенко М. Е. Воспоминания // Три судьбы. М., 2021. С. 117.

института»⁵⁶ (заметим, что речь идет о «волне», которая на деле охватила большинство слушательниц)⁵⁷. У женщин, погруженных в научные исследования, бурная политическая жизнь Высших женских курсов вызывала неприятие. В частности, Н. Д. Флиттнер была против любых форм публичного осуждения преподавателей за их взгляды (а такая форма социальной враждебности была типична для курсов: слушательницы легко склонялись к проведению забастовок, бойкотов занятий и даже «химической обструкции»: на лекциях консервативно настроенных и не слишком уважаемых преподавателей они призывали «навонять какой-нибудь дрянью, взятой у естественниц»⁵⁸). Коллективистские призывы к единым действиям и единым мнениям претили будущему египтологу: «Я не пробую выступать на сходках, меня отталкивает способ дебат, пугает судьба тех, кто пробует возражать, держаться своего мнения, которое мне очень часто кажется гораздо более здоровым, чем выступления курсовых лидеров»⁵⁹. До конца жизни Н. Д. Флиттнер была уверена в своей правоте. «Стоит ли спорить, доказывать, если за расхождение в мнениях тебе грозят “исключением из товарищества”, “лишают права голоса”, превращают их в отверженных. Зулусы! Дубье! Воображают, будто стремятся к свободе, а на самом деле хотят только полного порабощения свободной мысли», — записала она в воспоминаниях⁶⁰.

Хотя большая часть женщин-историков придерживалась схожего мнения о бессмысленности политической активности, стоит сопоставить позицию Н. Д. Флиттнер с мотивацией, упомянутой выше (в связи с темой связанности учениц со своими профессорами и порой возникавшим идейным несогласием) И. И. Игнатович⁶¹. Инна Ивановна, рожденная в крохотном городке Опочка Псковской губернии в семье земского врача, окончив Женские курсы в Санкт-Петербурге в 1901 г., еще в годы учебы увлеклась нелегальной работой: распространяла эсеровскую литературу, подвизалась в нелегальной типографии, проявила себя как агитатор, была не раз арестована. При такой бурной политической активности И. И. Игнатович умудрялась много и плодотворно писать, совмещая внепрофессиональную активность с научной работой. Ее политические взгляды прямо вытекали из научных разработок: в центре внимания исследовательницы была история крестьянского движения крепостной эпохи. Брак с Н. Я. Быховским, товарищем по партии эсеров, и рождение троих детей поставили этого историка-профессионала перед сложным выбором: наука, революционная работа или семья. Позднее она записала в автобиографии (именуя мужа по фамилии, это было типично у эсдеков и эсеров): «Быховский с момента нашего знакомства настаивал, что я в революцию путаться не должна, так как по своим способностям могу в научной области дать крупные работы. Именно он настоял, чтобы я всецело отдалась научной работе»⁶². И. И. Иг-

⁵⁶ Флиттнер Н. Д. Воспоминания. Д. 2. Л. 135.

⁵⁷ Стриевская С. И. Участие бестужевки в революционном движении. Общественные организации и общественная работа // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Л., 1973. С. 22–81.

⁵⁸ Флиттнер Н. Д. Воспоминания. Д. 2. Л. 176.

⁵⁹ Там же. Л. 176–177.

⁶⁰ Там же. Л. 177.

⁶¹ Игнатович И. И. Автобиография // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–4.

⁶² Игнатович И. И. Личные документы // Там же. Д. 62. Л. 15.

натович последовала совету, но душой тянулась к активизму. Многочисленные аресты и ссылки тормозили написание научных трудов, останавливали работу в архивах⁶³ — и в то же время были (наряду с наличием детей) удобным предлогом для отказа бывшим товарищам по партии в продолжении нелегальной работы⁶⁴. Пример И. И. Игнатович уникален. Она — единственная из россиянок, кому удалось столь долго балансировать между научной профессией, семьей и политикой.

Октябрьская революция декларировала формально неограниченную возможность работать в научных организациях и высших учебных заведениях для лиц обоего пола. Но перед теми женщинами-историками, кто начал активную работу в архивах еще в 1910-х гг. и раньше, кто уже состоялся как молодой профессионал (имел публикации), встала новая преграда — нужно было доказывать лояльность новой власти. Буквально с первых месяцев существования молодой большевистской республики политические репрессии затронули женщин-историков. В 1919 г. знаменитая медиевистка О. А. Добиаш-Рождественская попала в дом предварительного заключения в Петрограде из-за бывлой принадлежности к партии конституционных демократов, а вскоре была освобождена⁶⁵. В 1920 г. от грозившей ей опасности уехала за границу А. М. Петрункевич⁶⁶. В 1922 г. за связь с эсерами пострадала Н. В. Брюллова-Шаскольская⁶⁷. Политическая активность женщин-историков (разумеется, кроме тех, кто вошел в число представительниц новой «красной профессуры») после революции утихла. О политических взглядах, расходившихся с государственной идеологией, они теперь предпочитали молчать (и не признавались в несогласиях даже в личных бумагах, отложившихся в их персональных фондах). Это молчание, впрочем, далеко не всегда спасало их от репрессий конца 1920–1930-х гг.

Таким образом, мы можем подвести некоторые итоги и попытаться ответить на вопросы, поставленные вначале, — о политических взглядах и формах политического участия, типичных для первых поколений женщин-историков России. Мы полагаем, что их сохранившиеся автодокументальные материалы подтверждают нашу гипотезу о желании многих, хотя и не большинства, молодых городских интеллектуалок так или иначе откликаться на политические события, происходившие рядом с ними. Обращение к запискам и воспоминаниям этих женщин, на чью долю выпали буржуазные реформы, первая революция и Первая мировая война, убеждает в разнообразии и изменчивости политических взглядов исследовательниц, избравших профессией работу историка. Под влиянием семьи, супругов, учителей и наставников, сокурсниц и коллег они формировали свои убеждения. Палитра этих убеждений очень разнообразна, что делает невозможным утверждать, что та или иная идеологическая принадлежность была для большинства из них типичной. Они склонялись к разным взглядам — от консервативно-монархических (особенно самые первые авторы исторических работ) до либеральных и даже социально-ре-

⁶³ Там же. Л. 3 об.

⁶⁴ Игнатович И. И. Автобиография. Л. 17.

⁶⁵ Перченко Ф. Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam. М.; СПб., 1995. С. 160.

⁶⁶ Демидова О. Р. Женщины русской эмиграции: краткий обзор материалов Бахметьевского архива // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII — первой трети XX вв. Wilhelmshorst, 1995. С. 241.

⁶⁷ Брюллова-Шаскольская Н. В. // Научные работники Ленинграда: справочник. Л., 1934. С. 56.

волюционных. Членов РСДРП или радикально-анархических организаций среди женщин-историков не было.

Анализ документов либеральных женских организаций подтвердил, что идеи социального (а порой и политического) равноправия были близки большинству женщин-историков. Политическое самоопределение женщин-ученых часто оказывалось связанным с вовлеченностью в женское движение, занятия наукой подразумевали стремление поднять свой образовательный уровень и расширить профессиональные права. Такое стремление было соотносимо с идеологическими приоритетами политических сил, поддерживавших либеральную идею.

Очевидно, что большинство из тех женщин, что избрали изучение прошлого своей профессией, нечасто (но все же иногда) публично декларирующие свои политические взгляды, старались избегать личного и явного участия в политических событиях, но при этом были связаны с современными им партиями, группами или иными политическими организациями. Специфический образ, конструируемый женщинами, вошедшими в мужскую академическую корпорацию историков, подразумевал заинтересованность, готовность и порой даже склонность комментировать политические события, при этом по возможности избегая слишком явных публичных заявлений о причастности или непричастности к происходящему вокруг. Такую манеру социального поведения нам удалось обнаружить, анализируя не прямые заявления о политических пристрастиях, а опираясь на мнения женщин-ученых об анализируемых ими исторических событиях (они часто брались за темы мировой и российской женской истории, изучать которые мужчины не спешили). Анализируя прошлое, выбирая в нем острые социальные проблемы, российские исследовательницы откликались на бурные события настоящего, всей душой ратую за расширение возможностей не просто высшего образования для женщин, но его продолжения (защиты диссертаций) теми, кто избрал работу в архивах и написание научных трудов делом жизни. Они поддерживали все аспекты духовной эмансипации женщин, их желание высказывать собственные мнения и оценочные суждения по любым вопросам, касавшимся как внутренней, так и внешней политики в России и мире.

References

- Cepilova V.I. A. A. Kizevetter v emigratsii (1922–1933). *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Seriia 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2005, vol. 34, pp. 108–114. (In Russian)
- Demidova O. R. Zhenshchiny russkoi emigratsii: kratkii obzor materialov Bahmet'evskogo arkhiva. *Russkie pisatel'nicy i literaturnyi protsess v kontse XVIII — pervoi treti XX vv.* Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert, 1995, 228 p. (In Russian)
- Dolmatova A. V. Rol' zhenshchiny v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii v nachale XX v.: k istoriografii voprosa. *Vestnik ViatGU*, 2011, vol. 1–1, pp. 52–59. (In Russian)
- Gavrilov S. V. Nauchnoe nasledie V. I. Semevskogo v sovetskoj istoriografii. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2008, vol. 17, pp. 106–119. (In Russian)
- Gusyatnikov P. S. *Revoliutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii 1899–1907*. Moscow, Mysl' Publ., 1971, 264 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. V preddverii kadetskoj partii: vserossiiskii soiuz deiatelei nauki i vysshei shkoly. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e — nachalo 1920-h godov*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 211–212. (In Russian)

- Kitaev V. A. V. O. Kliuchevskii i Rossiia 1860-h gg.: k kharakteristike obshchestvenno-politicheskikh vzgliadov istorika. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2023, vol. 3, pp. 17–26. (In Russian)
- Kitaev V. A. *XIX vek: puti russkoi mysli*. Nizhny Novgorod, Lobachevsky University Press, 2008, 355 p. (In Russian)
- Kuneckaia L. I., Mashtakova K. A. *Krupskaia*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1973, 366 p. (In Russian)
- Mitiaeva O. I. Istoricheskie i politicheskie vzglyady P. N. Miliukova. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2014, vol. 2, pp. 80–88. (In Russian)
- Pavlovskaya S. V. Obshchestvo i vlast' v otsenkakh otechestvennykh istorikov kontsa XIX — nachala XIX vv. *Innov: elektronnyi nauchnij zhurnal*, 2015, vol. 3 (24). Available at: <http://www.innov.ru/science/economy/obshchestvoivlastvotsenkakhote> (accessed: 11.01.2024). (In Russian)
- Perchenok F. F. K istorii Akademii nauk: snova imena i sud'by... Spisok repressirovannykh chlenov Akademii nauk. *In memoriam*. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ.; Atheneum Publ., 1995, pp. 141–210. (In Russian)
- Petrov-Ennker B. "Novye liudi" Rossii: razvitie zhenskogo dvizheniia ot istokov do Oktiabr'skoi revoliutsii. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2005, 441 p. (In Russian)
- Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. Zhenskoe uchastie v rossiiskoi politicheskoi zhizni nachala XX v. (sovetskaya i postsovetskaya istoriografiia). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2017, vol. 2 (83), pp. 15–34. (In Russian)
- Pushkareva N. L. „Nauka dlia vsekh odna"? Pervye zhenshchiny-istoriki v Rossii (1810–1910-e gg.). *Istoriik i mir — mir istorika v Rossii i Tsentral'no-Vostochnoi Evrope*. Budapest, Russiaca Pannonica Publ., 2012, pp. 173–185. (In Russian)
- Pushkareva N. L. Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1800–1917. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2012, vol. 1 (18), pp. 228–246. (In Russian)
- Pushkareva N. L., Pushkareva I. M. Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni rossiiskikh stolichnykh gorozhanok nachala XX v.). *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii*, vol. 2, St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2018, pp. 244–249. (In Russian)
- Sekenova O. I. *Strategii samorealizatsii rossiiskikh i sovetskikh zhenshchin-istorikov vtoroi poloviny XIX — pervoi poloviny XX v.: dinamika peremen, preodolenie gendernykh asimmetrii*. PhD (History) thesis. Moscow, 2022, 250 p. (In Russian)
- Shemyakina O. V. Istoriografiia narodnicheskogo dvizheniia glazami ego uchastnikov. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia"*, 2017, vol. 1 (22), p. 132–139. (In Russian)
- Spas'ka I. Pelageia Jakovivna Litvinova: Naris ii zhittia ta pratsi za ii rukopisami ta rodninimi dokumentami. *Etnografichnii visnik*, 1928, vol. 7, p. 168–199. (In Ukrainian)
- Strievskaia S. I. Uchastie bestuzhevak v revoliutsionnom dvizhenii. Obshchestvennye organizatsii i obshchestvennaia rabota. *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy. 1878–1918*. Leningrad, Leningrad University Press, 1973, p. 22–81. (In Russian)
- Vernadsky G. V. *Russkaia istoriografiia*. Moscow, Agraf Publ., 1998, 447 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2024 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: February 14, 2024

Accepted: October 12, 2024